

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 5
volume 5**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Памятники тангутской письменности и тангутская культура

Е. И. Кычанов
(Институт востоковедения РАН)
(Санкт-Петербург)

Культура народа, его образ жизни и образ мышления, отражена в культуре материальной, такой, как материальная культура жизнеобеспечения (орудия труда, одежда, утварь, жилища, пищевые продукты и т. п.), материальная культура нападения и защиты (доспехи, вооружение и т. п.), материальная культура религиозных нужд (храмы, их убранство, объекты и предметы культа), памятники материальной культуры, обеспечивающие эстетические нужды общества, когда, например, произведения искусства (украшения, скульптура, живопись) отделяются от религии, приобретают самостоятельную ценность.

Духовная же культура, особенно прошлого, прежде всего материализуется в памятниках письменности. На примере трех синхронных культур — тангутской, киданьской, чжурчжэньской — можно уверенно сказать, что без памятников письменности, на основе только остатков культуры материальной, невозможно получить достаточно полного представления о культуре народа. О культурах киданей и чжурчжэней мы знаем из сохранившихся китайских письменных источников и из тех памятников культуры материальной, которые в основном добыты археологами. Но практически не сохранились памятники киданьской и чжурчжэньской письменности (то, что имеется, незначительно по числу и маловыразительно), и наши представления об этих культурах в любом случае, в свое время не менее мощных, чем культура тангутская, значительно уступают тому, что мы знаем о культуре тангутской.

Если взять, к примеру, керамику, то материальная культура тангутов в сохранившихся памятниках имеет столь же индивидуальное лицо, как и культура киданьская. Китайский археолог Ма Вэнь-куань, объясняет широкое распространение керамического производства в тангутском государстве недостатком металла в стране. У тангутов преобладала керамика белого цвета, эту особенность тангутской керамики Ма Вэнь-куань связывает с почитанием белого цвета тангутами¹. Раскопаны частично могилы тангутских императоров², найдены в пещерах

¹ Ма Вэнь-куань, Нинся Линьзу яо (Керамика Линьзу в Нинся). — Каогу сюе чжуань кань. Т. 26. Пекин, 1988, с. 4—5.

² Ли Фань-вэнь, Си Ся линьму чуту цяньби каоши (Изучение обломков стел, извлеченных из могил государей Си Ся). — Си Ся яньцзю луньцзи (Сборник статей по изучению Си Ся). Иньчуань, 1983, с. 114—164.

Дуньхуана росписи, относящиеся ко времени Ся. Наконец, достаточно много памятников материальной культуры Ся привез П. К. Козлов из мертвого города Хара-Хото. И о материальной культуре тангутов нам, кажется, известно более, чем о культурах киданей и чжурчжэней. Керамика, металл, камнеписные тексты, могилы императоров — это то, что осталось и от культур киданей и чжурчжэней. И даже если мы примем во внимание то, что оставили тангуты в Хара-Хото и Дуньхуане, не будь обнаружены памятники тангутской письменности, наши представления о тангутской культуре вряд ли вышли бы далеко за пределы того, что мы знаем о культурах киданей и чжурчжэней. Именно памятники оригинальной тангутской письменности позволяют узнать о тангутской культуре то, что потеряно в культурах киданьской и чжурчжэньской, несмотря на то, что эти народы также имели свои письменности и соответственно, свою достаточно богатую литературу на них. Нам уже приходилось писать о том, что как раз находки в Хара-Хото, в общем заштатном городе тангутского государства, наиболее ярко высвечивают меру утраченного, когда после военного поражения, утери государственности погибает народ (чжурчжэни смогли возродиться в маньчжурах), ассимилируется другими народами и с его постепенным исчезновением и переходом в другую культуру погибает и его прежняя культура. Как и люди, культуры рождаются, живут, расцветают и угасают. О таких культурах можно что-то знать, но возродить их уже невозможно.

Говоря о тангутской культуре, следует иметь в виду тот факт, что за последние три тысячи лет сложилось всего несколько региональных очагов мощных культур, где с той или иной степенью точности можно выделить основную (основные) центральную культуру (культуры) и культуры дочерние. Для Европы таковой являлась греко-римская культура, для стран ислама — арабская, для стран Индостанского полуострова и стран Юго-Восточной Азии — индийская, для стран Восточной Азии — китайская, для стран Латинской Америки — испано-индейская. Признавая известную условность выделения региональных культурных сфер, нередкую нечеткость их границ и даже наличие переходных, синтетических культур, мы обязаны принимать во внимание эту реальность.

Для культур Восточной Азии за последние две тысячи лет основной региональной культурой являлась культура китайская. Культуры Кореи, Японии, Вьетнама испытали на себе ее глубокое влияние. Если мы обратимся к примеру японской культуры, воспринимаемой нашими современниками в качестве наиболее оригинальной и самостоятельной, то вот что пишут о "континентальном" влиянии на свою культуру японские историки культуры: "Эпоха ранней истории может быть названа эрой буддийской культуры. Хотя культурное влияние с континента уже пробило себе дорогу в Японию в предыдущие перио-

ды, именно в эту эпоху культуре с континента предстояло по суги дела прийти в состояние расцвета в Японии вследствие введения буддизма. Результаты с точки зрения буддийской архитектуры, скульптуры и живописи достаточно удивительны для того, чтобы обеспечить этому периоду название золотого века буддийского искусства. Основная часть ввоза иностранного пришла через (так в оригинале — *Е. К.*) космополитическое и экзотическое общество Китая, находившееся под влиянием династии Тан, чье всеобъемлющее влияние на Японию в этот период привело к тому, что последняя косвенным образом восприняла значительный объем международной культуры»³. С высот величия своей культуры японские историки культуры не стесняются говорить о "всеобъемлющем влиянии" культуры китайской.

А реально существовала и существует в науке, тесно связанная с политической ситуацией данного момента, проблема меры влияния и самобытности, на наш взгляд, в принципе научно не только не решенная, но и, возможно, нерешаемая. Проще образно сказать, что дочерние, точнее, культуры развивавшиеся под влиянием культуры центральной для данного региона, столь же непохожи друг на друга (и похожи друг на друга), как дети одних и тех же родителей. И материальная и духовная культуры в равной мере подвержены влиянию культуры "материнской".

Обратимся к тангутской культуре, именно к тому, как она отражена в памятниках тангутской письменности, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН, на современном уровне их изученности.

Тангутская культура периода существования тангутского государства (XI—первая треть XIII вв.) развилась из трех основных источников: культуры пянско-дансянской, собственной культуры тангутов, народа, создавшего государство и господствовавшего в нем; под влиянием культуры китайской (династий Тан—Сун); под воздействием культуры тибетской. Есть основания говорить и о влиянии культуры Индии, прежде всего через буддизм (тексты, буддийская гравюра).

Многие письменные культуры окружающих Китай народов или заимствовали китайское письмо с его модификацией и дополнением его своей письменностью (Япония, Корея, Вьетнам), или создавали свою письменность на основе видоизменения китайского иероглифического письма (кидани, тангуты, чжурчжэни). Тангутское письмо было введено в употребление в 1036 г. и, несмотря на полное внешнее несходство с китайским, создавалось по принципам классификации китайской филологической наукой иероглифики в эту эпоху. Графика

³ Ютака Тадзава, Сабуро Манубара, Сюнсукэ Окуда, Ясунари Нагахата, История культуры Японии. Обзор. МНД Японии, 1989, с. 3—4.

тангутской письменности также результат сильного видоизменения графики китайского письма⁴.

Что мы можем извлечь из памятников тангутской письменности о "коренной" древней культуре тангутов? Тексты сохранили остатки тангутской мифологии, повествующей о возникновении видимого мира. По представлениям, которые мы вправе полагать еще цяньско-дансянскими, в первоначальной пустоте (хаосе) зародился некий камень Кулош, камень, обладавший порождающей силой. Он или превратился в гору, или породил гору. Гора обладала способностью роста. Ее вершина стала обителью богов. Появились, неизвестно откуда взявшиеся, может быть, порожденные камнем, два существа, олицетворявшие мужское и женское начала. Это был "ветер", дух, птица-белый журавль, луноликий герой, связанный с луной, западной стороной, положивший начало мирозданию. Он "творил" небесную твердь, творил Землю, двигал гору. Возможно, он, двигая гору, отделил Небо от Земли, если это не произошло ранее в процессе роста горы из зародившегося в хаосе камня. Женское начало представляла солнцебедрая (солнценогая, лучи солнца — ноги) девушка, связанная с солнцем. Можно даже допустить, что она сама была солнцем, а персонаж мужского начала — луной. В их любовной игре мужского и женского начал, видимо, появились солнце, луна, звезды, свет отделился от тьмы. Связь представлений о птице, белом журавле, (духе — ветре) и солнцебедрой девушке ассоциируется со связью ворона и солнца (птицы и солнца), хорошо известной в мировой мифологии, в том числе и в китайской⁵.

Культ гор, представление о горе, как о связующем звене между землей и небом, уходит своими корнями в древнюю культуру цянов и дансянов и общ для тангутов и тибетцев, других тибето-бирманских народов региона, условно называемого "тибето-китайской границей" — Западная Сычуань, Кам, Юньнань, юго-западные области пров. Ганьсу. Тангутский поэт так писал о горах:

Корни гор в земле рождаются,
Вершины их окутаны облаками.
Пестрыми цветами и травами они одеты —
[С одних гор] смотришь вдаль,

⁴ Е. И. Кычанов. Тангутское письмо в истолковании самих тангутов. — Разыскания по общему и китайскому языкознанию, М., 1980, с. 209—223.

⁵ См.: Да божо боломьдо пзин. Тангутский фонд СПб Филиала Института востоковедения РАН, Танг. 334. Здесь на полях связный текст, употребленный для *чжихао*, маркировки каждого десятка глав сутры первого ее цикла из 400 цзюаней. Перевод: Е. И. Кычанов, Тангутская рукописная книга (вторая половина XII— первая четверть XIII в.). — Рукописная книга в культуре народов Востока, М., 1988, с. 420. Вновь собранные крупинки золота на ладони. Танг. 30, инв. №№ 741 и 742. Перевод: Е. И. Кычанов. "Крупинки золота на ладони" — пособие для изучения тангутской письменности. — Жанры и стили литератур Дальнего Востока и Кореи, М., 1969, с. 215—219. Большая ода, Танг.25; инв. № 121.

[Там] другие горы стоят.
Дикие звери надежно [в горах] укрываются,
Разные птицы пристанище [в горах] себе находят.
[Горы] — источник сокровищ,
И неиссякаемый источник вечности⁶.

И по тибетским представлениям горы связывали небо и землю, они были "столбами неба", "гвоздями земли". Каждая гора являлась центром данной местности, имела свое персональное божество (божества гор образовывали группу божеств *ньян*). Самыми великими и могущественными были божества высочайших вершин Гималаев, в том числе Джомолунгмы (Эвереста) и Канчепджанги. Гора считалась *юл лха*, "божеством местности", "садагом", "владыкой местности". Гору мог замесить камень, установленный на крыше дома. С культом гор и заменяющих их камней был связан и культ ларце, куч камней на перевалах (монгольское *обо*)⁷.

Первосуществом, вершившим созидательную деятельность в расчлененной камнем-горой пустоте, был, по "Большой оде", белый журавль. "Белый журавль небесную твердь творил", "под твердую небесную журавль белый Нодон", белый журавль "с белых высот спустился, ветром западным выпрямился"⁸. И по тибетским представлениям белый цвет — цвет неба, а с белизной связано появление первосущества. При сотворении мира из яйца, "белое стало источником силы для героев" и связано с появлением первосущества Емон Джалпо. По бонской традиции, в пустоте появился некто, "тот, кто создан, как владыка бытия", а затем, как олицетворение добра появился "белый человек", "тот, кто любит все сущее". Тибетский поэт Миларепа писал: "Я — сын белой львицы ледников"⁹. Белый журавль тангутских мифов находит известную аналогию в тибетских добуддийских представлениях и в том, что легендарного основателя Ярлунгской династии первых правителей Тибета Ньятри цэнпо, имевшего глаза, как у птицы, а руки и ноги с перепонками между пальцами, как у гуся, приветствовали журавли:

Он пришел с горных высот,
Господин страны предков,
Он пролился на землю, как дождь,
Он подошел к божественной горе Джангдо,
И громадная, тяжелая гора поклонилась ему,

⁶ Море значений, установленных святыми. Танг. 32, инв. № 144, с. 3а.

⁷ См. Е. И. Кычанов, Л. С. Савицкий. Люди и боги страны снегов. М., 1975, с. 164, 235—236.

⁸ Большая ода, Танг. 25, инв. № 121.

⁹ Е. И. Кычанов, Л. С. Савицкий. Люди и боги страны снегов, с. 170—171, 292.

И деревья, опережая друг друга, поклонились,
сошлись вершинами...

Журавли приветствовали его, Ньятри цэнпо,
О цэнпо, чья святость не имеет равной,
Кого приветствуют журавли
И чье имя — свет! ¹⁰

Белый журавль "спустился с белых высот". Слова "белый", "высокий" (кит. *бай*, *гао*) вошли в официальное наименование тангутского государства — букв. белый, высокий, Великое государство Ся. Они были и являются объектом самых различных истолкований¹¹. Ныне достаточно основательно можно полагать, что "белое-высокое", "белая высота", "белые высоты" — место происхождения предков если не всего тангутского народа, то правящей династии. В восьмом месяце тангуты приносили жертвы "духу-хранителю, журавлю Мбэ"¹². В эпоху борьбы богов и кровной мести был убит сын божества Риэ. Мстя за сына, разгневанное божество стало грабить и убивать. И тогда дядя по матери спас от гнева божества "девять братьев с белых высот"¹³, предков тангутов. В тангутских текстах мы встречаем такие фразы: "люди белого высокого имеются", "дядю по матери почитают как белое-высокое" и т. п. Таким образом, "белые высоты" — обитель предков, место появления на свет тангутского народа, или части его, так называемых "черноголовых". Мбэ был предком черноголовых. Поэтому в наименовании тангутского государства, эти слова правильнее всего переводить как "Великое государство Ся [потомков выходцев] с Белого высокого". Белое высокое, "белые высоты" служили указанием на божественное происхождение народа (династии). И эти слова были понятны тем, кто знал тангутскую мифологию и тангутские предания. Следует иметь в виду и известную полисемантичность заключенных в этих двух словах представлений. Белый цвет ассоциировался с западом, высота, верх — тоже с западной стороной:

На западе, [там, где земля] возвышается, —
государство тибетцев.
На самом краю, [там, где земля] понижается, —
государство китайцев¹⁴.

¹⁰ J. Bacot, F. W. Thomas, Ch. Toussaint. Documents de Touen-Houang relatif a l'Histoire du Tibet. Paris, 1940—1946, p. 81, 85—86.

¹¹ Н. А. Невский. О наименовании тангутского государства. — Тангутская филология. Кн. I. М., 1960, с. 33—51; Ли Фань-вэнь. Си Ся го мин бянь (Суждения о наименовании Ся Ся). — Си Ся яньцзю луныцзи, с. 69—75.

¹² Море значений, установленных святым, инв. № 684, с. 22а.

¹³ Там же, инв. № 145, с. 22б.

¹⁴ Оды, инв. № 121. б. п. Литературный перевод Н. А. Невского: "На западе дальнем стоит край высокий Тибет. На крайнем востоке лежит в низинах страна Китай". — Тангутская мифология, кн. I, с. 80. И по представлениям тибетцев "верх означал запад; а низ — восток". — R. A. Stein. La civilisation tibetaine. Paris, 1962, p. 24.

В таком прочтении государство именовалось Западное Вѣликое государство Ся. Если принять во внимание, что китайцы по понятным причинам опустили слово "великое", то мы получим китайское наименование тангутского государства Си Ся (Западное Ся) и, таким образом, даже пояснение появления его на свет из самих тангутских реалий, из недр тангутской культуры.

По нашему мнению, отдельно следует рассматривать встречающееся неоднократно в тангутских текстах выражение "река (реки), стекающая (стекающие) с белого высокого (с белых высот)". В энциклопедии "Море значений, установленных святыми", это выражение упомянуто дважды: "Источник белых рек: Реки, стекающие с белых высот, открываются источники вод. Белые крутизны — опора народа". "Горные хребты длинны и широки: Покрытые снегами горы тянутся, не прерываясь, во всем государстве всего достигают, они — исток рек, стекающих с белых высот"¹⁵. В тангутских изречениях говорится: "Рекам, стекающим с белых высот названий не дадите, земля красы лишится".¹⁶ В оде "Мудрость" есть строка: "Реки, стекающие с белых высот... край земли"¹⁷.

Видимо, белые высоты, вершины, с которых сошли предки, полагались и местом рождения рек, не какой-то конкретной реки, а именно рек вообще, в числе которых, по месту обитания предков тангутов, были и такие великие реки Азии, как Хуанхэ, Янцзыцзян и др. Возможно это был и какой-то мифический сюжет, который мы просто пока из-за отсутствия информации не в состоянии понять. Но видеть в сочетании "белое — высокое — река" какую-то конкретную реку, например, реку Байшуй (Белую реку) в пров. Сычуань¹⁸ вряд ли правомерно.

С тангутской мифологией и преданиями связано и представление о двух составляющих тангутского народа — черноголовых и краснолицых. Если обратиться к текстам, не очень многочисленным, то следует обратить внимание на то, что раньше ускользало от взора исследователей. Черноголовые чаще всего связаны с небом, краснолицые — с землей.

Под августейшим небом тысячи черноголовых
по благоденствию то низки, то высоки,
На государственной земле мириады краснолицых
по мудрости не равны¹⁹.

¹⁵ Море значений, инв. № 144, с. 36, 4а, 4б.

¹⁶ Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарий Е. И. Кычанова. — Памятники письменности Востока. XI. М., Наука, с. 110, 189.

¹⁷ Оды, ода "Мудрость", инв. № 121, б. п.

¹⁸ Н. А. Невский. О наименовании тангутского государства, с. 33—51.

¹⁹ Там же, с. 36.

Среди черноголовых в Поднебесной
Нет сомневающих в своей силе,
И духовной, и телесной,
На земле краснолицые родня....
На суше — земле у краснолицых
Любовь имеется, ненависти нет²⁰.

В тангутских изречениях мы обнаруживаем прямую связь черноголовых с небом: "Земной отец черноголовых с небом породнился — могущество [черноголовых] возросло"²¹. Не возражая против того, что во времена Великого Ся "черноголовыми" и "краснолицыми" в равной мере именовались все тангуты²², мы полагаем возможным предположить, что генетически "черноголовые" и "краснолицые" были двумя кланами тангутского народа, корни которых уходили в эпоху, отраженную в мифах, при этом не исключено, что именно черноголовые и их "отец Мбэ" полагались предками правящей династии.

В сочинении энциклопедического характера "Море значений, установленных святыми" наряду с "культурными гороями" — предками тангутов — "девушкой из народа", научившей народ пользоваться огнем и выращивать хлебные злаки, .У-лвоном, первоскотоводом, пастухом, "всю жизнь пасшим скот", упоминается и предок черноголовых Мбэ. Ему были свойственны "глубокие замыслы", как мы уже упоминали, поклонения ему совершались в восьмом месяце. В словаре "Море письмен" упоминается сын отца черноголовых .У, очень возможно, что он и .У-лвон, "вечный пастух", одно и то же лицо. Не исключено, что предок черноголовых, это журавль, первотворец мира, ибо в восьмом месяце приносили жертвы "духу-хранителю Мбэ-журавлю".

В свете новых материалов и их иной интерпретации есть необходимость пересмотреть и оду-хвалу предкам — "Гимн священным предкам тангутов". При переводе этой оды²³, я в свое время не распознал главного героя, которому была посвящена ода — тангутского императора Юань-хао и не выявил одного из предков. Поэтому заново обратимся к линии предков, о которых говорится в этой оде.

Первым идет "батюшка Ра-ту", о котором сказано, что он не был согласен на малое, думал о великом и женился на тибетской девушке. Видимо, в его имени следует обратить внимание на слово "гора", хотя полное имя — "гора-сеть", "гора-силки" не совсем понятно. У Ра-ту было семь сыновей:

²⁰ Большая ода, инв. № 121, б. п.

²¹ Вновь собранные драгоценные парные изречения, с. 104, 174.

²² Чэнь Бин-ин. Си Ся вэньу яньцзю (Изучение памятников материальной культуры Си Ся). Иньчуань, 1985, с. 126.

²³ Е. И. Кычанов. Гимн священным предкам тангутов. — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования, 1968., М., 1970, с. 217—231.

1. Сан-мбэ-лвон (Сан-пишка). Он прославился тем, что разгромил тибетцев.

2. Чие-кэ-ран (Чие-шкатулка). Прославился тем, что сражался с китайцами.

3. Нгве-нгин Рие-ндзай (Нгве-нгин, похожий на коня). О нем сказано, что он "через реку переправился", "внизу не прятался", можно предположить, что с его именем связано какое-то перемещение, переселение тангутского народа.

4. Хво-ха, с эпитетом "отец Хво-ха". Два последующих после его имени знака значат "зеленая ставка". Если это не его имя, то он жил в "зеленой ставке", он "в восточном городе укреплением огорожился", возможно жил в замке, тибетском *цзонге*.

5. Нгвин-ди Мэ-ниа (Нгвин-ди, черный теленок), крутолюбый, рогатый, схожий с быком. Как и "солнцебедрая девушка", упоминаемая в "Большой оде", он сразился со слоном. Только солнцебедрая девушка сражалась со слоном "большим", а он со слоном "благовопным". Слона он одолел и слону бивни отрезал.

6. Ндиу-ндиу Кви-мбу (Ндиу-ндиу с внешностью собаки). Он прославился тем, что сразился с тигром и вырвал у тигра когти.

7. А-ндзвон, он употреблен с эпитетом "дедушка", "дедушка А-ндзвон". Дедушка А-ндзвон искал пропавшую корову и в результате вышел на край чего-то, что было важно в истории правящего тангутского дома.

Упоминаемая в тексте "матушка А-мба" по логике повествования должна быть той тибетской девушкой, на которой жепился Ра-ту, она и Ра-ту прародители императорского рода Нгве-ми. Среди их семи сыновей (цифра семь сама в традициях мирового фольклора) в полном согласии именно с такими традициями родоначальником непосредственно правящего дома явился младший сын А-ндзвон. Далее упомянут или его сын, или один из потомков Нгвэ-ндин. Этот предок встречается и в энциклопедии "Море значений, установленных святыми", о нем сказано, что он "имел раба". Его сыном был Ве-нду-пу.

Что же касается их потомка "тангута Ци-хво", то совпадение сведений о нем, содержащихся в Оде и в китайских источниках, о том, что он уже при рождении имел два зуба, позволили в свое время уже Н. А. Невскому²⁴ отождествить его с основоположником (Таи-цзу) династии Нгвеми — Тоба (Ли, Вэймин) Ци-цянем. Ци-хво — Ци-цянь прибыл в сопровождении семи всадников (снова цифра семь), чтобы "стать государем". В полном соответствии с тем, что мы знаем о Ци-цяне из китайских источников, он "собрал народ (то же делали тюркские каганы, позже Чингис-хан), создал тангутов". В 37-ой строке Оды нами ранее был ошибочно расшифрован знак в сочетании "ветер-

²⁴ Н. А. Невский. Тангутская письменность и ее фонды. — Тангутская филология. Кн. I, с. 76.

рога". Сейчас установлено, что это был титул императора Юань-хао, который открыто в 1038 г. принял императорский титул. Юань-хао (Рога-ветер) характеризуется как "священномудрый ван", "божественный воин". Все последующие строки оды относятся к нему. Ведь именно он в 1038 г. "отвернулся от" Китая и "взбунтовался". И с этого времени "государство расцвело". Далее говорится о том, что он "просил мира", и хотя из текста Оды прямо не ясно, о чем идет речь, очень может быть, что это прямой намек на события 1044 г. и заключение мира с Китаем после войны 1040—1044 гг.

Ветер и облака играли еще неясную нам, но важную роль в тангутских преданиях. Один из предков Ве-нду-шу прибыл к "народу-государству" (ср. древнетюркское — эль) на "облачном коне". Среди тангутских изречений есть одно, где упомянут император Рога-ветер (Юань-хао). Наш старый перевод:

Боевые стяги вознесены на облачные хребты,
Острые мечи привязаны к рогам ветра²⁵, —

может быть и неверен, если принять во внимание, что Облако-хребет (Облачный хребет) и Ветер-рога (Рогатый ветер), упоминаемые строго параллельно, могут быть именами (титулами) правителей. Один из них — хорошо известный император Юань-хао, второй — неизвестен. Если это так, то изречение следует перевести следующим образом:

Облачный хребет поднял боевые стяги,
Ветер-Рога подвязал острые мечи .

При условии, конечно, что в изречении мы не сталкиваемся с той игрой слов, которая была понятна только посвященным.

Таким образом, в письменных памятниках Ся собственную тангутскую культурную струю во многом отразили как раз тангутские оды. Оды в целом трудны для перевода и требуют еще большой работы над их текстами в сопоставлении со всем тем, что мы в данный момент уже знаем о тангутской культуре. В свое время нами был опубликован перевод "Оды в честь собственного пути и обычаев царства Ся"²⁶ и "Гимна священным предкам тангутов". В данной статье мы хотели бы предложить перевод еще одной тангутской оды "Месяц за месяцем", в одухотворенной поэтической форме повествующей о годичном цикле жизни тангутов и государства Ся:

В первом месяце:
Черноголовые и краснолицые празднуют
на доходы ушедшего года,

²⁵ Вновь собранные драгоценные парные изречения, с. 119, 203.

²⁶ См.: Е. И. Кычанов. Очерк истории тангутского государства. М., 1968, с. 277—278.

²⁷ Желтая пища — масло и т. п.

пробиваются наружу в широкой степи.
На восточной горе кукует кукушка, сажают деревья.
Кукушка кукует, цветущие деревья пронизаны лучами солнца,
Едят пищу из гороха, любят цветы —
не голодное государство.
В четвертый месяц плывущая луна.
Все зазеленело, деревья и травы ласкают взор.
Милостиво раздаются разного рода ценности,
в государстве обильно завтракают.
Кукушка кукует, значит все зеленеет, мощь гор неизменна,
накапливается сила Ян, мужчины устремляют взоры
на женскую красоту.
Среди трав — простор красоте, распускается все, что цветет,
У подножия пагод разнотравье, травы выросли на целый *чи*²⁸,
Сражаются с водой, они, как ремни
из кожи антилопы, как путы для коня,
Дружат с водой — версты влажных низин,
простор и радость для черепах. Непостижимая земля!
Четвертый месяц:
Наступил первый день лета, деревьев и трав изобилие,
Разные ценные подарки жалуются за заслуги,
в государстве устраивают пиры,
Кукуют в зелени кукушки, лето пришло.
Нет обнаженных холмов и равнин,
мысли мужей обращены к земле, к ее красе,
Зацвела трава...²⁹, раскинулась подобно полотнищам
фиолетового шелка. По краям болот разнотравье,
это травы, высокие и низкие,
С волнами борются — как кони,
спутанные ремнями из оленьей кожи.
Росы не вредны, извиваясь, текут ручьи,
прыгают лягушки — земля богов!
Луна плывет в пятый месяц, в стране дожди,
не увядает краса разных трав,
Путник идет, смотрит радостно, вершины холмов
поросли травой, птицы озабочены потомством и не суетятся.
На вершинах травы — шапки черных волос,
не различимы травы для коз, травы для овец.
Змея ползет в чашу дерев. Побагровели силы Инь и Ян,
солнце в зените — бык, дух-податель молока,
владеющий законами мастерства.

²⁸ Более 3 м.

²⁹ Название травы нам неизвестно.

В пятом месяце:

В государстве выпадают дожди, цветут деревья и травы.

Путник идет, смотрит на все с любовью.

Красные травы на холмах похожи на петушиные хвосты —
сказано верно.

Камьши надели черные войлочные шапки,

Собирают бараний и козий чеснок.

Ползают большие змеи, точно искусные руки

мужчин и женщин в полдень обучают дойке коров.

Луна плывет в шестой месяц, одни виды зелени

сменяются другими, травы сохраняют свой цвет.

Насекомые летают, жужжат. В стране довольство и радость.

Кузнецы уходят на юг и восток

на зеленые пастбища пасти скот.

На земле следы острых когтей — пропали дикие звери.

Те, кто с ними³⁰ не велики, [звери] поджидают их,

не прыгают от радости, удовлетворенно мудры.

Красные нити насекомых. Летают орлы.

Солнце движется на ночной покой, прекрасное,

как овечья шерсть!

В шестом месяце:

Голубеют болотистые низины, цветут овощи,

летают бабочки, курлычут журавли, жужжат насекомые —
в государстве радостно!

Красно-жаркие плавильщики пришли с востока.

Простор для летних безумств.

В красных песках...³¹, мчатся антилопы кабарга,

с ними голова к голове малыши,

не прыгая от радости радуются, я говорю!

Летают парчево-красные бабочки, орлы.

Солнце сияет, перевалив за десять гор,

подобные парчевой циновке.

Луна плывет в седьмой месяц,

выросли разные злаки, стали тучными дикие животные

и домашний скот — в стране обильные завтраки.

Не валятся наземь шапки под ударами ветра,

желтеют верхушки трав,

солнце в зените, опускается над водами,

говорят, оно как в орлиных перьях —

длительные радость и долголетие!

У тангутских коней основы седел белые, деревянные,

³⁰ Детеньши.

³¹ Название неизвестного нам насекомого или пресмыкающегося.

Дорогой бычьей кожей обтянуты, на один фасон.
Во всех государствах достигшие долголетия люди
живут благополучно — [их жизнь] —
долгая скачка по широкой степи!

В седьмом месяце:

Обилие разного рода злаков, тучнеют домашние
и дикие животные, в государстве пиры.
Вянут верхушки трав, спутанные ветром.

До полудня держится роса, поют перепела —
каждому радость и долголетие.

У коней тангутских сыновей белые, из мягкой кожи,
желтобелым нефритом украшенные седла, у всех такие.
Жеребцов родовитых мужей государства и людей,
живущих долгие годы в достатке рождается.

Луна плывет в восьмой месяц,
горы и равнины залиты солнцем,
созревает золотисто-желтый рис.

На прекрасной земле растет рис, дремлет за полями.
По одному шагают, расходятся сборщики налога,
В местности Мба³², крылу китайцев из По³³,
делающих железо, раздают на руки черный и белый рис.

Ставят силки для ловли птиц,

Гоняют оленей. Убирают рис —
три вида приобретаемого³⁴ не теряют.

В восьмом месяце:

Горы и степи залиты желтым солнечным светом, созрели хлеба.
На прекрасной земле, на полях сладко спят хлеба.
Часто появляются те, кто обходит поля³⁵,

Чиегхонские³⁶ тангуты и китайцы обрезают преграды,
черные нити и белые нити тянут, тянут — ловят птиц,
Оленей гоняют, жнут хлеба: в трех [этих делах]
оплошностей не допускают.

Луна плывет на девятый месяц.

Убран рис, по травам на вершинах холмов шагают
Мастера. Среди разных трав нет негодных для дела.
Девятого месяца пища прекрасна и разнообразна —
Рису, меду обилье — в государстве радость.
На рис белый и рис желтый еще не падает иней.
Составляя связки, панизывают монеты — умные богатеют!

³² Неустановленная нами местность.

³³ Неустановленная нами местность.

³⁴ Птиц, оленей и риса.

³⁵ Сборщики налогов.

³⁶ Неустановленная нами местность.

В девятом месяце:
На полях завершена уборка, на высоких местах
выпадает иней, играют свадьбы,
как подобает, по церемониалу.
Созрели все овощи,
Девять видов овощей, основу питания
разными способами заготавливают на зиму.
Румянятся, припеваются, звучит музыка,
в государстве веселье, обильный урожай белого ячменя
и желтой пшеницы,
Мешки полны — желудку и сердцу довольство.
Луна плывет на десятый месяц.
Полны разного рода кладовые, умные люди
отдыхают, в государстве устраивают пиры.
Народ спокоен и благополучен. В государстве охотятся на птиц.
Поднимаются черные ветры. Ревут олени.
Ветер треплет травы, они мечутся под ветром,
как испуганный конь.
Кричат черные птицы, сбиваются в стаи,
улетают на запад, летят на восток,
Черные стаи птиц белые стены крепостей и жилища не обновят.
В могучем государстве радость,
появляются новые памятные записи!
В десятом месяце:
Все кладовые полны, люди отдыхают от забот,
в государстве пиры.
Народ весел. В стране охотятся на птиц.
Поднимаются черные ветры, кричат олени,
ветер бьет травы, дикие козлы скрываются в лесах.
Гогочут черные гуси, их головы
подобны потухшим головешкам, они улетают на запад,
летят на восток.
В белых городах и черных крепостях покой,
В сильном и доблестном государстве всюду тепло и радость.
Луна плывет в одиннадцатый месяц.
На западных белых горах бродят стада баранов,
собираются у водопоев.
В белые холода загаданные пути не извилисты,
Сыновья тангутов все насквозь видят,
шагают вперед и назад, не запутываясь в важном.
Холодные конские языки и черные олени в изобилии.
В одиннадцатом месяце:
Подданные Белого высокого спускаются с гор
в густые леса, замерзают реки,

Дошедшие до наших дней памятники тангутской письменности широко отражают китайское влияние. Как и во всех основных странах китайского влияния — Японии, Корее, Вьетнаме, в Великом Ся стала "своей" конфуцианская классика. Мы обнаруживаем в собрании П. К. Козлова фрагменты переводов на тангутский язык "Лунь юй",

"Мэн-цзы", "Сяо цзин"³⁷ сборник цитат из китайских классических книг. Как и военачальники Кореи, Японии, тангутские генералы изучали теорию военного дела по трактатам "Сунь-цзы"³⁸. На тангутский язык был переведен политический трактат "Чжэнь-гуань чжэн яо"³⁹, сочинение на темы древней китайской истории "Двенадцать царств"⁴⁰, энциклопедия "Лес категорий"⁴¹.

Между тем влияние китайской идеологии и политической культуры на тангутское государство и общество отнюдь не ограничивалось переводом этих и иных сочинений. Оно было более глубоким и действенным, пронизывая, может быть, жизнь всех слоев общества, а для служилого сословия в чем-то являясь и доминирующим. Именно под значительным воздействием китайской политической идеологии и культуры складывалось представление о том, каков должен быть государь, его сановники, чиновники, образованные люди, определение их места в государстве и обществе. В энциклопедтии "Море значений, установленных святыми", говорится: "Люди распределены в пределах девяти степеней рангов. В соответствии с четырьмя высшими степенями рангов и качествами четырех низших степеней рангов они отличаются один от другого. Среди людей, обитающих в пределах [данного] мира искусные в делах, способные и сильные, умеющие владеть оружием, наставляющие членов своей семьи, люди с мягким характером и характером волевым, все безошибочно и по достоинству получают тот ранг, который они заслужили"⁴². Благородные мужи это люди талантливые, образованные, грамотные, способные "умело и соразмерно оценивать достоинства китайских книг"⁴³. Однако тангутский благородный муж и гуманный человек отличались от китайского идеала указанных лиц тем, что они были непременно буддистами. Они "всем сердцем признавали истинность учения Будды", "стремились постичь смысл мудрых сутр". Природа гуманного и благородного человека должна была соответствовать природе бодхисаттвы. "Среди пребывающих во всех мирах гуманный человек близок к священномуудрым... Природа человека,почитающего родителей и старших (сяо) соответствует природе бодхисаттвы"⁴⁴. Если такой человек служит, то он

³⁷ Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн-цзы, Сяо цзин). Факсимиле текста. Предисловие, словарь и указатели В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова. — Памятники письменности Востока, IV. М., 1966.

³⁸ Сунь-цзы в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа, издание текста, перевод, введение, комментарий, грамматический очерк, словарь и примечания К. Б. Кепинг. — Памятники письменности Востока, XLIV. М., 1979.

³⁹ Там же, № 10.

⁴⁰ Там же, № 12.

⁴¹ Лес категорий. Утраченная китайская лэйшу в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, вступительная статья, перевод, комментарий и указатели К. Б. Кепинг. — Памятники письменности Востока, XXXVIII. М., 1983.

⁴² Море значений, установленных святыми, инв. № 2614, с. 31.

⁴³ Море значений, установленных святыми, инв. № 2644, с. 5.

⁴⁴ Там же, с. 7.

с любовью и почтением относится к родителям, милосерден и сострадателен, к людям бедным, людям подчиненным ему и прислуживающим ему, он неллищеприятен, он потворствует близким родственникам, но и не отталкивает дальних. Такие люди всей душой преданы государю, и с уважением относятся к своим учителям. Суть службы государю раскрывается в таких пояснениях: "Служит усердно, почтительно: ревностно проявляет себя на службе государю, почтителен, боится совершить оплошность, не тяготится тем, что часто ходит пешком". "Государю всей душой предан: усердно служит государю, преданно выполняет его поручения посылного по разным делам, верой и правдой оберегает государево имущество, управляет, способствуя благополучию государя"⁴⁵, "при ведении больших и малых, высоких или низких дел сообразуется с законами государства"⁴⁶.

Переводная литература, будучи в оригинале назидательной, для того и переводилась, чтобы продемонстрировать образцы достойного и недостойного поведения, нередко в столкновении разных качеств, например, долга и порядочности. "Чу-ни служил при вэйском Лин-гуэ. А чиновник Чжао Дунь часто справедливо увещевал Лин-гуэ. Лин-гун возненавидел его и тайно послал Чу-ни пробраться в дом Чжао Дуэ и убить его... Чу-ни подумал об искренности увещеваний Чжао Дуэ и не осмелился убить его. Но так как он никак не мог не выполнить приказа Лин-гуэ, то разбил голову об стену и умер"⁴⁷.

Сын, почитающий родителей, должен был пойти на службу и служить достойно. "Тот, кто не служит, не достоин имени почитающего родителей: Почитающие родителей дети, там, куда они направлены на службу, доброго имени своего не теряют. Государевых приказов ожидают и преданно их исполняют. В управлениях дела ведут аккуратно, друг с другом дружат, бывают правдивы и искренни. В схватках с врагом храбро сражаются. Почитающие родителей дети это те, которые эти пять дел добросовестно исполняют, имени родительского не порочат"⁴⁸.

Кажется, тангуты особенно чтили конфуцианский принцип *сяо*, почитания родителей и старших. Помимо канона "Сяо цзин" на тангутский язык был даже переведен специальный сборник рассказов о *сяо* ⁴⁹.

"Есть три формы *сяо*: Высшее выражение *сяо* это действия государя. Государь в Поднебесной благую силу *дэ* распространяет, на суше-земле *сяо* и *ли* [нормы ритуала и поведения] накапливает. Если

⁴⁵ Там же, инв. № 2614, с. 10.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Лес категорий, с. 39.

⁴⁸ Море значений, установленных святыми, инв. № 145, с. 14а.

⁴⁹ Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Факсимиле рукописи. Издание текста, введение, перевод, комментарий К. Б. Кепинг. — Памятники письменности Востока, LXXXVII. М., 1990.

сяо и *дэ* распространились по государству, то это есть *сяо* государя. Следующее это *сяо* чиновников. Если чиновник благороден и предан, соблюдает законы и *ли*, не имеет дурной репутации, не ищет наград от государя, служит почтительно своим родителям, то это и есть проявление почтительности чиновником. Если человек сильный и способный направляет свои силу и способности на почитание родителей и служение им, то это и будет проявлением *сяо* со стороны народа государства"⁵⁰.

И в данном случае переводятся истории, иллюстрирующие столкновение *сяо* и долга. "В древние времена жил некий ребенок шести лет. О почитании им матери рассказывают следующее. Его мать приготовила рис. Среди евших эту еду чиновников оказался тот, который понял, что это краденая еда. Он спросил об этом ребенка. И тот сказал: "Из-за того, что мать приготовила вкусную еду, она наказания за кражу не избежит". Об этом доложили старшему чиновнику, и тот дал ребенку высокий ранг сына, почитающего мать"⁵¹. Ради *сяо* в отношении государя, мальчик преступил через *сяо* в отношении матери и закон, запрещающий доносить на родителей о совершенном или преступлении. Во всяком случае в текстах, переведенных на тангутский язык, обычно долг по отношению к государю и государству оказывался превыше всего.

Китайское влияние было ощутимо и в сложении тангутской филологической науки; как составной части духовной культуры общества. Это была тангутская филологическая наука, ибо она касалась тангутского языка. И в то же время тангутские филологи взяли все ценное из китайской филологической науки той эпохи. Мы уже упоминали о том, что тангуты создали свое письмо по образцу китайского, хотя и сделав его внешне совершенно непохожим на него. Они проделали огромную словарную работу, составив ряд словарей родного языка, таких как рифмический словарь "Море писем"⁵², прототипом которого послужил китайский словарь "Гуань юнь", словарь омонимов⁵³, фонетические таблицы⁵⁴ и т. д.

Во Тхо, составитель словаря "Омонимы" (или "Гомофоны") писал в 1132 г. в послесловии к своему труду: "Ныне легко установить, что число тангутских письменных знаков возросло [по сравнению с тем], которое [мы] находим при царствовании предков нашего государя. Ради стремления к процветанию учреждено Управление по вырезы-

⁵⁰ Море значений, установленных святыми, инв. № 145, с. 166.

⁵¹ Там же, с. 15а.

⁵² Море писем. Факсимиле тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступительные статьи и приложения К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского. — Памятники письменности Востока, XXV. М., Наука, 1969.

⁵³ Тангутские рукописи и ксилографы, № 18.

⁵⁴ Там же, № 22.

ванию текстов книг на досках для печатания их способом ксилографии. Его возглавили талантливые тангуты. И отпечатанные способом ксилографии книги распространились по всему миру. Однако затем резчики досок для печатания книг, [одни], гонясь за ничтожной выгодой, путали знаки и изменяли их внешний облик, [другие же], будучи неграмотными, и не умея правильно воспроизводить их, отделяли на доске для печатания книг начало знака от его конца и смешивали их правую и левую сторону, что сбивало с толку учащихся. И я, Во Тхо, глядя на это, печалился и потому произвел тщательную проверку [письменных знаков]. Поскольку у меня не хватило тщания выправить прежние многочисленные несообразности и несовпадения в написании [знаков], то пусть мудрецы не сетуют на меня, когда они обнаружат несоответствия". Словарь включал 6133 основных идеографа и 6230 поясняющих⁵⁵.

В предисловии к "Фонетическим таблицам" их составители в частности писали (1173 г.): "Сейчас просматривали разную литературу. В Тибете и Китае уже имеются фонетические таблицы... Ныне в силу и наших заслуг составление фонетических таблиц... завершено. Они чрезвычайно важны для государства и являются основой процветания и источником истинной мудрости. Они суть источник записи сутр и учения Будды, княжеского церемониала, законодательных актов, приказов, талантливых стихов... Их можно сравнить с Великим морем, глубоким и безбрежным, вбирающим в себя все реки, не усыхающим, и не переполняющимся... Среди разных гор самая высокая гора Сумеру, среди всех искусств написание сочинений не имеет себе равных, среди всевозможных сокровищ — литература наивысшая драгоценность"⁵⁶. И это в XII в. достижения отечественной филологии почитались основой процветаний государства, а литературное творчество — наивысшей драгоценностью. Но уже родился Чингис-хан, и нам ясно, что думающим так было не устоять против тех, кто высшим счастьем полагал низвержение врага и захват его имущества и жен.

Позволим себе еще упомянуть тангутско-китайский и китайско-тангутский одновременно словарь, составленный Гулэ Мао-цаем в 1190 г.

Гулэ Мао-пай писал в предисловии к своему труду: "Все благородные мужи, учась, пополняют свои собственные знания и стремятся унаследовать все то, что осталось нам от прошлых времен. Обучая других, они человеколюбиво стараются послужить благу других людей в наши дни. Разве это не истинно? Что касается письмен тангутов и китайцев, то если судить о них по ветвям (внешнему виду письменных знаков — Е. К.), то они кажутся различными. Если же вникнуть в их

⁵⁵ Тангутский фонд, словарь "Гомофоны", инв. № 207.

⁵⁶ Там же. Фонетические таблицы, инв. № 620.

корни (суть — *Е. К.*), то окажется, что они одинаковы... Люди наших дней хотят полностью понимать тангутский и китайский языки. Если [китаец] не знает тангутского языка, то он не сможет быть среди тангутов, если же [тангут] не учил китайского языка, то как он сможет достичь договоренности с китайцами?... Я, Гулэ Мао-цай, хорошо изучил тангутскую и китайскую письменности и благодаря этому разве смею молчать? Преодолев робость, я распределил слова для обучения тангутскому и китайскому языкам по трем разделам [Небо, Земля и Человек], все самое важное собрал в одной книге и расположил фразу за фразой, поясняя их подлинный смысл. Поскольку [в обоих языках] произношение слов отличается, даны объяснения (транскрипции — *Е. К.*) там, где можно было подобрать их по сходству [в звуках этих языков]. В тех же случаях, когда произношение [слов в этих языках] не имеет соответствий, правильному произношению может обучить учитель, Я стремился подобрать простые фразы, легко понятные ученикам. Назван словарь "Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени"⁵⁷.

Думается, что к концу XII в. политическое противостояние Ся с Сунским Китаем, характерное для XI в., перешло в сферу известного духовного соперничества с тангутской стороны. После образования государства чжурчжэней Цзинь в 30-х гг. XII в. тангуты не имели общей границы с собственно китайским государством. Но война в Северном Китае пригнала на территорию Великого Ся не только киданей из гибнущего и погибшего киданьского государства Ляо, но и волну беженцев из Китая. Стоит упомянуть о Жэнь Дэ-цзине, выходеце из г. Сиань, который пытался расколоть государство Ся и стать ваном независимого государства Чу⁵⁸. Окитаивался правящий клан Нгвеми. Великий и славный государь Ся Жэнь-сяо был уже наполовину китайцем. В XII в. особенно во второй его половине, тангуты, возможно, испытывали определенное давление со стороны китайской культуры, то, что пережили недавно кидани, а в те же дни вместе с тангутами переживали только что одолевшие китайцев чжурчжэни. И хотя, например, те же чжурчжэни полагали, что Ся смогло отстоять свои обычаи и свой язык, давление китайского культурного пресса было очевидно. Наряду с другими причинами именно этим можно попытаться объяснить известный крен буддизма в Ся в конце XII в. в сторону буддизма тибетского. Тангуты, как мы могли видеть из цитированных выше текстов, знали и понимали молодость своей государственности и культуры и глубокие корни таковых у китайцев. Тангуты надеялись на свою молодость и соответственно долгую жизнь их культуры и государства. Не случайно в "Большой оде" мы читаем такие строки:

⁵⁷ Там же. Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени, ипв. № 214.

⁵⁸ Е. И. Кычанов. Очерк истории тангутского государства, с. 241—246.

Тангуты и китайцы удачу поделили, и солнцу это очевидно,
С удачей тангутов,
 тангутов рождением провиденье промедлило...,
Но раньше родившийся, раньше состарится,
 раньше в прах обратится.
Выросший позже, позже расцветший,
 дольше останется молодым и сильным.
Тангуты в середине расцвета,
 это [они] в центре [внимания] неба⁵⁹.

Увы! Как среди людей позже родившийся не всегда переживает
родившегося ранее, так и тангутскому государству оставались считан-
ные десятилетия и Небо отвернулось от него, предав тангутов и их
культуру мечу своего очередного любимца Чингис-хана.

Будучи тэнгриистами, небопоклонниками и шаманистами близ-
кого к комплексу тибетских верований бон толка, тангуты, очевидно,
и в догосударственный период в какой-то мере знали буддизм. Они
жили в "буддизме", ибо буддизм процветал в Китае, буддистами явля-
лись их соседи тибетцы и уйгуры, с X в. буддизм прижился в кидань-
ском государстве Ляо. Позже создание тангутского государства и вве-
дение в употребление своего письма создало решающее условие для
того, чтобы буддизм стал у тангутов государственной или почти госу-
дарственной религией. В 1038 г. императорским указом была образо-
вана специальная комиссия для перевода буддийского канона на тан-
гутский язык, в первую очередь с языка китайского.

Как и в Китае, жизнь буддийской общины проходила под конт-
ролем государства, начиная с позволения властей на пострижение в
монахи и кончая контролем за переводческой и проповеднической де-
ятельностью. Мощный центр китайского буддизма — пещерные храмы
Дуньхуана, оказался в составе тангутского государства. А на северо-
восточных границах страны действовал другой знаменитый центр ки-
тайского буддизма, правда, на территории государства Ляо, а потом
Цзинь — комплекс храмов в горах Утайшань. Если конфуцианство
было достоянием образованной чиновничье-элитарной части тангутс-
кого общества, то буддизм стал достоянием всех — от правящего дома
Нгвем (Вэймин) — усердного пропагандиста учения, до простых ско-
товодов и земледельцев. В сознании людей господствовала кармичес-
кая предопределенность. В "Море значений, установленных святыми"
мы читаем:

Из-за кармы у всех живых существ
 счастье или высокое, или низкое,
Из-за кармы у многих групп живых существ

⁵⁹ Большая ода, б. п.

благополучие неодинаково⁶⁰.

Учение Будды, его сутры, разошедшиеся по всему миру,
[это залог] добродетельных поступков
и следования нормам поведения
Ритуал ванов выражается в сочиняемых одах
и в изящных выражениях⁶¹.

"Смысл понятий бедность и богатство: Люди бывают бедными и богатыми: Человек богатый имеет много вещей и продуктов питания, живет, не печалась. Бедный человек продуктов питания и вещей не имеет, жизнью неудовлетворен.

[Такое состояние] благодаря карме создается:

Что касается богатства, то говорят, что продукты питания и вещи, розданные другим в прошлых жизнях, вдруг в этой жизни становятся большим богатством. [Богатство] — воздаяние, полученное за розданное. Что же касается бедности, то бедными становятся за то, что в прошлых жизнях были жадными и не раздавали [пищу и вещи]"⁶².

"То, что человек благородный или ничтожный, чистый (лично свободный) или раб, определяется его кармой. В этой жизни получаем воздаяние за прошлые дела. И если добрых деяний мало, то и становишься рабом или слугой"⁶³.

Благодаря карме люди заключают браки и рождаются друг с другом. "Соединяются, благодаря карме: Родственники благодаря согласию по карме в прошлых [перерождениях], и в этой жизни становятся родней, благодаря карме становятся внутренними (кровными) или внешними (свойственниками) родственниками"⁶⁴.

Подавляющее большинство памятников тангутской письменности — буддийские сочинения, рукописи и отпечатанные способом ксилографии, а также подвижным шрифтом книги. Буддизм объединял духовную культуру разных народов, населявших тангутское государство. От имени государя буддийский текст часто издавался одновременно на трех языках — тангутском, китайском и тибетском, тиражами в десятки тысяч экземпляров. Двор ратовал о благополучии страны:

Пусть ветры дуют и дожди проливаются своевременно,
Драгоценные хлеба вызревают вечно,
На границах установится мир,
А народ благоденствует⁶⁵

⁶⁰ Море значений, установленных святыми, инв. № 143, с. 16.

⁶¹ Там же, с. 2а.

⁶² Там же, инв. № 145, с. 356.

⁶³ Там же, с. 326.

⁶⁴ Там же, с. 34а.

⁶⁵ Текст Лянчжоуской стелы. Перевод с публикации: Нисида Тацуо. Сэй ка го-но кэнкю (Изучение языка Си Ся). т. 1, Токио, 1964, с. 176.

о том, чтобы не пресекся корень династии, о перерождении предков в Чистой земле (раю) будды Амиды. Народ молился о благополучных родах жен и дочерей, о детях, о жизни в достатке, об излечении от болезней, о хорошем перерождении для покойных родителей и близких.

Тангутские, тибетские, китайские, тангутско-китайские буддийские общины (нет сведений о смешанных тангутско-тибетских общинах) отражали духовное единство через многообразие культуры тангутского государства в важнейшей из ее сфер — религии.

Судя по текстам, увеличение переводов с тибетского языка отмечается со второй половины XII в. Кодекс Великого Ся объявлял тибетский язык, наряду с тангутским и китайским, официальным языком буддизма в стране. Видимо, формирование ряда школ тибетского буддизма, таких как Кармапа, Кагюпа, Сакья, развитие тантрических учений в Тибете оказали существенное влияние и на тангутский буддизм. Тангутское государство являлось контактной зоной китайского и тибетского направлений в буддизме. Среди иерархов буддизма в Ся в колофонах неоднократно упоминаются знатоки тибетского языка и тибетского канона. Тангутские переводчики и комментаторы нередко для перевода или истолкования каких-либо буддийских сочинений на тангутский язык использовали его китайский или тибетский текст, а также, если он сохранился, текст на санскрите.

В общем представлении тангутов об окружающих народах, тибетцы в XI в. уже являли собой образ ревностных буддистов. В сочинении "Крупинки золота на ладони", первоначальном учебнике тангутского письма, есть следующие строки:

Тангуты смело и бодро идут вперед,
Кидане ступают медленным шагом,
Тибетцы большей частью чтут будд и монахов,
Китайцы все любят светскую литературу,
Уйгуры пьют кислое молоко⁶⁶.

От тибетцев в тангутскую книгу попали книги, сброшюрованные способом потхи, прообразом которых послужили стопки сложенных пальмовых листьев. Такой способ брошюровки книг в Китае в то время был малораспространенным. И в тангутском государстве, кажется, книги-потхи были только буддийского содержания. Встречающиеся при буддийских текстах на тангутском языке гравюры частью отражают иконографию буддийской школы ваджраяна, распространенной в

⁶⁶ Е. И. Кычанов. "Крупинки золота на ладони" — пособие для изучения тангутской письменности. — Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969, с. 217.

Восточной Индии, Непале и Тибете⁶⁷. К сфере буддизма относится и дошедшая до наших дней попытка протранскрибировать тибетским письмом тангутский буддийский текст для человека (или людей), явно неграмотных по-тангутски.

К сожалению, памятники тангутской письменности не позволяют нам проследить "тибетскую струю" в тангутской культуре вне буддизма, в обыденной жизни. Но хорошо известно, что в культурах прошлого религия играла прогрессивную, объединяющую роль. И эта роль была обусловлена не только чисто религиозными, но и внерелигиозными компонентами веры в самом широком смысле слова — моральными, философскими, эстетическими, которые были включены в религиозное общественное сознание. Ценности буддизма, предписываемые им поведенческие категории были общими для всех народов, населявших государство тангутов Великое Ся. Кроме того, выше мы привели достаточно примеров определенного сходства представлений тибетцев и тангутов на свое происхождение и на окружающий мир.

Выше мы говорили о тангутской культуре как части единого целого — восточноазиатской культуры, в центре которой была культура китайская. Исторически и китайская культура сложилась из разнородных элементов, объединенных мощью единого письма, идеологии трех учений — конфуцианства, даосизма, буддизма, политического учения об императоре-мироустроителе, сыне Неба и обладателе благой силы дэ, учении о государстве-центре в Поднебесной.

Тангутская культура была периферийной восточноазиатской с сильными центральноазиатскими элементами, в которых китайское влияние ощущалось, но не являлось доминирующим. Как достаточно поздняя молодая культура, культура тангутского государства являла собой единство разного. На материале письменных памятников мы попытались показать отдельные существенные слагаемые этого разного: сильная струя собственно древних представлений, особенно отразившихся в одах, изречениях, энциклопедии "Море значений, установленных святыми"; в лучших традициях китайской филологической школы — создание своего письма и огромная словарная работа над собственным языком. Это был буддизм — учение, объединявшее тангутскую культуру с культурами Китая, Тибета и, о чем мы знаем меньше, Центральной Азии. Китайские источники упоминают об участии уйгуров в середине XI в. в переводах буддийского канона на тангутский язык. Дошедшие до нас тангутские тексты не сохранили ссылок на уйгурское участие, но "Сутра золотого блеска" и на уйгурском, и на тангутском языках имеют одно и то же предисловие, которое по-китайски если и сохранилось, то считается очень редким.

⁶⁷ Т. В. Грек, Н. В. Дьяконова, М. И. Кречетова, Е. И. Лубо-Лесниченко, М. Л. Рудова. Изучение памятников тангутской культуры из г. Хара-Хото в Эрмитаже. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии, октябрь 1964. Л., 1964, с. 60.

Все тангутское наследие свидетельствует о том, что тангуты ратовали за свой путь не только в политике, но и в культуре. Они стояли перед выбором, о котором в свое время японский ученый Сатоси Никадзима писал как о выборе между буддизмом и конфуцианством. "Тангутские обряды означали развитие и упрочение буддизма, китаизация — конфуцианства"⁶⁸. Нам уже приходилось писать, что в отличие от родственных этнических государств — Тибета и Бирмы, тангутское Великое Ся не стало буддийским теократическим государством. Тангутская культура не стала и исключительно конфуцианской. Присвоив посмертно Конфуцию вслед за киданями титул императора, тангутские политики как бы лишали здравствующего китайского императора исключительности его положения. Ниже самого Конфуция, императора Конфуция, могло быть и несколько сынов Неба, в том числе и император Великого Ся⁶⁹. Можно сказать, что при условии, что каждый из населявших тангутское государство этносов придерживался своей культурной традиции, слагалась и культура именно тангутского государства. Формирование ее в лучшем случае завершалось на рубеже XII—XIII вв. Это была культура, являвшаяся частью восточноазиатской культуры, типа культур корейской или японской. Она не сложилась как культура центральноазиатская, кочевая, каковой, возможно, была частью современная ей культура киданьская, к сожалению письменные памятники которой не дошли до наших дней. Суть такой культуры — претворение и упрочение своего наследия через китайскую культуру.

⁶⁸ Сагоси Никадзима. Сэй ка-ни-окэру сэйкёку-но суйси-то бунка (Культура и развитие политической ситуации в Си Ся). — Гохо гакухо. 1937, № 6, с. 714.

⁶⁹ Е. И. Кычанов. Государство и буддизм в Си Ся. — Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М., Наука, 1987, с. 130—144.